

ВСЕ НАЧИНАЕТСЯ С КУХНИ...

— **ВЫ НЕ ЗНАЕТЕ**, как включается электроплита? — спросил меня хозяйки квартиры, пугливо прикосаясь к пластмассовым ручкам. Здесь, на кухне, мы и просидели три часа кряду с Евгением Александровичем Евтушенко. Пили чай, говорили. Иногда, увлекшись рассказом, мой собеседник по-детски доверчиво хватал меня за руку.

Поначалу, как водится, мы нырнули в политику.

— Вы знаете, все же политиком я себя не считаю — в том смысле, что поэт — политик поневоле. А профессиональный политик — это человек, берущий на себя бремя ответственности, готовый не только критиковать людей, занимающих, скажем, высокие посты, но и заменять их в любой момент. Я никакое кресло занимать не собираюсь. Но в России поэт всегда был в ответе за судьбу народа, а не за изящество собственных строк. Больше того, я считаю, что все прогрессивные изменения в нашей стране начинали писатели. Русский классик непременным знакомым на литературу, как, скажем, француз Флюбер... Мы много в нашей жизни проиграли из-за преступного оптимизма. Наш сегодняшний пессимизм — дитя вчерашнего безответственного оптимизма. Сейчас идет соревнование пессимистов. Гражданский пессимизм — это видимое гражданское смелости. Нам требуется не соревнование обличений, а соревнование конкретных предложений. Не быть пессимистом сейчас — гражданская смелость.

— **Перестройка** — это все-таки поражение или победа?

— В том-то и состоит исторический парадокс, что она одновременно является и большой победой, и большим поражением. И мы находимся внутри этой уникальной ситуации. Объявив примат общечеловеческих ценностей над классово-борьбой, мы отказались от мирового господства, от гегемонии, именно это и устранило угрозу ядерного столкновения между СССР и США. Ныне, если страны третьего мира становятся агрессорами, объединяется все человечество, — я говорю о событиях в Персидском заливе. Раньше это было непредставимо, и это — колоссальная победа перестройки. Вторая победа — мы начали выбираться из трясины рабства, хотя нас все еще хватает и тянет вниз. Мы делаем шаги демократии по трясине рабства. Чеховское выражение «по капле выдавливать из себя раба» оказалось слишком минималистичным, потому что нам надо выдавливать из себя рабов ведами, цистернами, если хотите. Непривычка к свободе — ведь в России, за всю ее тысячелетнюю историю, было лишь два коротких периода бесцензуры: с февраля 17-го до середины 18-го, когда были арестованы «Несвоевременные мысли» Горького, и около полутора лет сейчас.

Итак, факторы победы перестройки: ликвидация угрозы ядерной войны и демократизация общества. Теперь посмотрим на перестройку, как на поражение. Мы оказались в экономической яме — слово «пропасть», я думаю, здесь все же неуместно. Я бы сказал, что это долговая яма — мы платим за сталинизм. Но, вали все на прошлое, мы покривим душой. Если сегодняшняя молодежь думает, что она ни в чем не виновата, — это неверно. Стыд — двигатель прогресса, бесстыдство же — нравственное бескультурье. И поэтому я призываю молодых людей, читателей «Московского комсомольца» — а сегодня это любимая газета молодежи, — подумать, не виноваты ли и они, хотя бы потому, что мало сопротивлялись скатыванию в долговую яму истории.

— **Что вас в нынешней ситуации больше всего тревожит?**

— В разрыв между завоеваниями и поражениями перестройки, в вакуум между свободой говорить и свободой делать могут вприпрыжку политические самозванцы, которых было немало в истории. Я имею в виду такие фигуры, как Гитлер и Сталин. Это были великие гипнотизеры. И хотя скоро наше изверженное общество бросается на гипнотизеров-медиков, то почему оно не может попасться на удочку гипнотизеров-политиков? Это не обязательно должен быть человек в военной форме. Но его игральной картой обязательно будет желание объявить всю перестройку поражением! Он может сыграть на отчаянии людей, уставших всю жизнь стоять в очереди. И отчаявшиеся люди могут пойти за тем, кто пообещает «ордунг», порядок. Ведь если человеку все время хочется есть, одеться, обуться, иметь квартиру, и ему зададут вопрос: что ему вахтаре — правдивые газеты, фильм Говорухина «Так жить нельзя» или возможность жить по-людски, — за что он проголосует? Он может проголосовать за политических гипнотизеров, и дать им возможность прийти к власти.

— **Вы подчеркиваете, что за них могут быть избранники народа?**

— Да самозванец может въехать в Кремль и на танке, и на голосах отчаявшихся избирателей. Но от этого он не пе-

рестанет быть антихристом, хотя, будет стараться казаться Христом-спасителем. Любимая одежда губителя — это белая toga спасителя.

И еще, возвращаясь к цензуре, бывшей много лет нашим государственным воздухом. Я хочу сказать о бесцензурии взаимно-озлобленности. Это страшная вещь. Я никогда не был членом партии. А люди, вчера окончившие партшколы, занимавшие крупные посты, сегодня с ненавистью говорят о коммунистах, обо всех сразу. Разумеется, партия, бывшая много лет правящей, во многом виновата. Она узурпировала право говорить от имени всего народа. Но вина рядовых членов партии и ее функционеров несоизмерима! Надо дифференцировать вину. И потом — следующее размышление. Да, коммунистов было около 20 миллионов. Но нужно подняться выше и честно сказать: мы виновны все, весь народ. Признание вины всего народа не будет, как считают многие, самоуничижением или самооплевыванием. Наоборот, честное признание национальной вины — это возвышение, высшая гражданская смелость. Нравственной границей между советскими людьми как раз является отношение к перестройке как к победе или

НЕПРИВЫЧКА К СВОБОДЕ

поражению. Недостаток нашей культуры — в боязни взять вину на себя. Я не говорю сейчас о покаянии словами, я имею в виду покаяние делом, конструктивное покаяние. В период перестройки мы совершили новые преступления. За них, безусловно, несут вину и правительство, и Горбачев — но не только! Ответ несем все мы, в том числе и я, Евтушенко, и вы, человек, берущий у меня интервью. И читатели вашей газеты, потому что они тогда уже были взрослыми людьми. Как мы все могли допустить безалкогольную кампанию, с которой, кстати, и началось экономическое скатывание в долговую яму? Как общество позволило принять такое решение?!

— **Но мы, я имею в виду рядовых граждан, не могли предвидеть даже малой доли последствий...**

— А разве непонимание, нехватка ума не переходит иногда в преступление против самих себя? Мы оказались недостаточно умны, не сумели воспрепятствовать ни Лигачеву, ни Рыжкову при принятии разрушительных решений — и это уже не в сталинские и брежневские времена, а сейчас. Мы не научились управлять человеческой энергией. Нам нужно рассвободить предприимчивость, и вот здесь мой счет молодежи. В ней должно быть больше фантазии, она еще слишком робко действует.

— **Евгений Александрович, но это, скорее, не робость, а апатия...**

— Да. 89-й год — год политизации. 90-й — год апатии. Этого нельзя допускать. Но ведь действительно — никто не даст нам избавления... Даже один человек — тоже великая сила, и это еще раз доказал Андрей Дмитриевич Сахаров. Я обращаюсь сейчас к молодежи, которая отворачивается от политики и экономики: «А, все равно ничего не исправишь, не переделаешь, пусть они там занимаются политикой, нам это до фени, до лампочки». «Вседолампочизм» существует, как существует и всеобщая озлобленность, и нам надо от них избавляться.

— **Давать от политики движемся к экономике, ведь политика, как известно, — концентрированное выражение экономики. Я хочу вас спросить: проголосовал бы народный депутат Евтушенко, будь он членом Верховного Совета СССР, за «Основные направления...», предложенные Президентом?**

— Если бы это зависело от меня, я бы потребовал принятия некоторых экономических мер до осуществления любой программы. Первое — полностью прекратить всякую помощь так называемым странам третьего мира. Я выдвигал это требование еще на Первом съезде народных депутатов. Попросить у них прощения, извиниться: больше помогать не можем. Это сразу сэкономило бы гигантские средства. Второе. Нужно на какое-то время, лет 10 — 15, дать минимальный налог — 15 процентов. Но честно сказать: это только на развитие, чтобы вы смогли окрестить. Через 15 лет вы будете платить по другому счету. А теперешние налоги не способствуют развитию, а развивают обман, укрывательство, мошенничество. Именно на вывертывание из-под налога у предпринимателей уйдет уйма сил и средств, а не на производство материальных ценностей.

УЖАС ОТ БЕССИЛЬЯ

— **ВЫ АВТОР** — я не боюсь вам польстить — получившего всемирный резонанс стихотворения «Взвешивая». Вы согласны с Бедняком, что основа антисемитизма — бездарность?

— Антисемитизм — это поганое чудовище, это анормальное чудовище последственного человека. Он порождает комплекс неполноценности, который переходит в агрессивное, озлобленное высокомерие по отношению к другим. Я не верю в то, что антисемиты любят свой народ, ибо антисемитизмом они подрывают престиж собственной нации.

— **Как русского интеллигента вас не может не беспокоить массовый отъезд, я бы даже сказал, исход евреев из Союза. Но Президент молчит, Верховные Советы молчат, боясь, что ли, уронить достоинство и попросить их не уезжать...**

— Я считаю, что Президент не должен девальвировать свои выступления и обращения частым появлением. Но это как раз такой вопрос, который заслуживает обращения Президента. И еще. Недавно мой коллега, член Президентского совета, писатель Распутин заявил, что он вовсе не антисемит, что его неправильно трактуют и в нашей, и в западной прессе. Вот почему бы ему не взять да не написать для нашего Президента такое обращение?

— **С месия, назад в «Огонь» появились ваши стихи, напоминавшие мне молодого Евтушенко. Но такие публикации, увы, редки. Не мешает ли Евтушенко — общественный деятель Евтушенко — поэту?**

— Когда-то я сказал, что поэт в России больше, чем поэт, и сам, стало быть, напросился. Для человека моего склада характера эта деятельность естественна, как она была естественна, скажем, для Маяковского. А вот Пастернака или Есе-

ражен этим! Повторяю, я тоже видел много смертей, хотя и не работал медбратом. Я видел, как умирали люди и на войне, и в мирное время, но не призывал к смерти. Поэт, кстати, проверяется на двух вещах: как он пишет о смерти и о любви.

— **И то, и другое присутствует в вашей поэме «Братская ГЭС». Но в последующей редакции я не нашел главы «В насосной», без которой поэма, на мой взгляд, что-то потеряла. Может, вообще не надо писателю редактировать свои ранние произведения?**

— Что касается «Братской ГЭС» — вы правы. Вы здесь солидарны с Александром Петровичем Межировым, очень любящим эту главу. А вообще, вы затронули довольно сложную проблему. Читатели говорят: меняя строки, вы, мол, предаете идеалы своей юности, и так далее. Но ведь я очень изменился, и это нормально. Наше поколение шестидесятников, не приемля Сталина, противопоставляло ему Ленина. Ленин был нашим оружием в борьбе за демократию. При этом мы основывались не только на собственном опыте. Ведь какие великолепные строки о Ленине читали мы, скажем, у Пастернака: «Он управлял течением мыслей и только потому — страшной». И, очевидно, правда о Ленине, конечно, как теперь стало ясно, неполная, есть и у Маяковского, и у Есенина. А у

потом, когда это стихотворение стало песней, я понял, что в песне это слово бы не звучало.

— **То есть это оказалось то самое слово, которое надо было выкинуть из песни?**

— Вот именно. Но, повторяю, я против злобствующего антиленинизма, как и против догматического проленинизма. Обвинять во всем, что с нами случилось, Ленина — это опять-таки снимать вину с себя! Прощу эту мысль оставить в интервью!

— **Ваша просьба, Евгений Александрович, косвенно уже отвечает на вопрос о цензуре ваших произведений. Многие читатели считают, что вас-то цензура не трогала, вы печатали все, что хотели.**

— Мы только что говорили о «Братской ГЭС». В первой редакции поэмы было 593 строчечные строки. С ножом к горлу меня заставляли вписывать новые главы. Я помню, жена сказала, что уйдет от меня, если я пойду на все эти переделки. Правильно ли я поступил, согласившись на экзекуцию, но дав возможность поэме увидеть свет? Я считаю, что правильно, потому что она должна была выйти именно тогда! «Братская ГЭС» была ведь единственным литературным произведением, печатавшимся и переиздававшимся в годы застоя, в котором говорилось о попытках и сталинских лагерях. Молодое поколение могло узнать об этом лишь из поэмы. Теперь о стихах. «Опять прошедшее собрание...» было написано в 57-м году, опубликовано в 87-м. Тридцать лет! «Самокрутки» — про то, как раскуривают газеты с напечатанными в них речами. Пролежало в столе 25 лет. «В ста верстах» — одно из любимых мной стихотворений. Написано в 66-м году, напечатано через 22 года. Наконец, «Танки идут по Праге». Честно говоря, когда я его написал, я ждал, что за мной придут. И мы сидели с женой и жгли нелегальные книжки — теперь жалко, что сожгли их. Я открыто выступил против этой военной машины, было чувство, что танки прошли по моей груди. И меня очень тронула благодарность Дубчека, когда он недавно приезжал в Москву, за это стихотворение. Он рассказал, что сидел тогда под домашним арестом, но приемник ему слушать разрешали. И вот по подпольному радио он услышал в переводе на чешский это стихотворение и подумал: жаль — нам он теперь ничем не поможет, а его сомнут. И еще одно чехословацкое воспоминание. Я недавно был в Праге, где получил, наверное, самый высший комплимент в моей жизни. Меня на улице остановила седая женщина, как оказалось, преподаватель русского языка:

— В 68-м году, — рассказала она, — когда ваши танки вошли в Прагу, я дала себе слово с русской литературой расстаться навсегда. Но когда прочитала ваши стихи и вашу телеграмму в защиту нашего народа, я снова пошла в школу и стала преподавать. Спасибо вам за то, что в 68-м году вы спасли меня от ненависти к вашему народу! (Во время этого рассказа в глазах поэта стояли слезы. — В. Н.)

Я СЧАСТЛИВ...

— **Вы много говорили и писали о своих поэтических учителях. А кого вы можете назвать своими учениками?**

— У Владимира Соколова есть хорошая строчка: «Нет школ никаких, только совесть». Я тоже не верю в поэтические школы. Вы знаете, я человек со слабостями, я часто бывал нерешителен, иногда боялся даже тогда, когда совершал смелые поступки. Но я думаю, что, совершая в жизни ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ поступки, я для кого-то мог служить примером. Для меня это значит гораздо больше, чем кто-то хорошо рифмует «под Евтушенко». К сожалению, своими слабостями, я, видимо, подавал и дурной пример. Ну, а коль скоро мы заговорили о технике, в частности, о рифме, то у меня есть одна ученица. Не знаю, согласится ли она со мной, но я думаю, у нее хватит душевной щедрости согласиться. Эта ученица — Белла Ахмадулина. Уверяю вас, в какой-то момент она была моей ученицей, хотя потом пошла по совершенно иному пути. А тогда она рифмовала, например, так: «На площади Манежной бросал монету в снег, загадывая монетой, люблю я или нет...»

— **А о ком идет речь в этом стихотворении Ахмадулиной, ставшем популярным романсом?**

— Думаю, что обо мне — в момент такой легкой ссоры... Открою вам один секрет. Книга Мухоморова Мачавариани «Тишина» переведена Ахмадулиной и мной, хотя там стоит одна моя фамилия. Я сейчас даже не помню, какие стихи перевела Белла, какие — я. А какие-то стихи мы переводили пополам — я это хорошо помню, потому что это было в поезде, когда мы ехали в Тбилиси...

— **Несколько слов о кино, о вашем новом фильме «Похороны Сталина».**

— Я был свидетелем этих похорон, которые состоялись 9 марта 53-го года. Я был на Трубиной площади, где погибли люди, распилаемые толпой на бортах грузовиков, на фанерных столбах, я провел там ночь. Картина была апокалипсическая. Под ногами было мягко — это были давлен-

ные люди. А живые проламывались сквозь квартиры, лезли на крыши — чтобы сократить путь и увидеть хотя бы мертвого вожда.

С одной стороны, это политический фильм с элементами детектива, с другой — все-таки фильм о любви, любви юноши и девушки, которые встретились в этой толпе. Я там играю пьяницу-скульптора, он выпил десятки сталинских и кагановичей. Как ни странно для такого названия, фильм этот нежный, лирический, в нем много музыки. В нем замечательно сыграл, симпривизировал американский композитор-джазист Пол Уинтер. Я надеюсь, что фильм понравится нашим подросткам. Не знаю, как сложится судьба фильма, но думаю, не ошибусь в одном прогнозе: песня из этого фильма заживет отдельной жизнью. Стихи я написал специально для фильма. Уверенность прогнозу придает то, что у меня очень хороший композитор — Петр Ильич Чайковский. Я написал песню на музыку из его Пятой симфонии. Еще раз приглашаю читателей вашей газеты во Дворец спорта в Лужниках 27 ноября в 19.00 на премьеру фильма.

— **Вами написаны стихи для песен «Хотят ли русские войны?», «А снег идет», «Не спеши» — всех не перечислишь. Какая песня вам дороже всего?**

— «Ах, кавалеров мне вполне хватает, но нет любви хорошей у меня...». Дагады-вагетесь, почему? Потому что она считается народной!

— **Вы ведете дневник? Записываете хотя бы встречи с выдающимися людьми?**

— Нет. У меня хорошая память. И потом — меня самого раздражают люди — писатели, которые ходят с блокнотами, скрупулезно туда что-то записывая. Иногда выдающийся разговор может быть с совершенно невыдающейся личностью. И наоборот — часто выдающийся деятель не самые интересные собеседники.

— **Прежде чем задать следующий вопрос, позволю себе рассказать коротенькую историю. В феврале нынешнего года я, по счастью, попал в Нью-Йорк, — как раз в дни пастернаковского юбилея. Завершая лекцию о жизни и творчестве Бориса Леонидовича, я спросил, какие будут просьбы по теме лекции. После небольшой паузы кто-то поднял руку и кротко спросил: «Кто жена Евгения Евтушенко?». Расскажите, пожалуйста, о своих родителях, своей семье.**

— Слава Богу, моя мама, Зинаида Ермаевна Евтушенко, жива, ей исполнилось 80 лет, она старейший киоскер Москвы. Ее газетный киоск стоит на площади Рижского вокзала. В день 80-летия ее «поздравляли» два «молодца» в сапогах и черных рубашках с портупеями: «Когда ты сохнешь, старая жидовка?». Как видите, «Память» перевела меня из «жидо-масонов» в жиды. Они пишут: «Так называемый Евтушенко, настоящая фамилия которого Гурвиц-Гангнус»... Они и здесь, конечно, подкасовывают. Мой дед Рудольф Евгеньевич Гангнус, латыш, в 37-м году выпустил в соавторстве с Гурвицем учебник геометрии. Он так и назывался: учебник Гурвица — Гангнуса. Вот откуда подкасовка «Памяти». Но им крупно со мной не повезло: во мне течет смешанная украинская, русская, белорусская и латышская кровь, и нет еврейской. Рассказывая о провозгласившей чернорубашечников, мама заметила: «Конечно, я расстроилась, но как было бы мне больно, если бы я действительно была еврейкой». Поэтому я считаю, что обращение Президента и по поводу отъезда евреев, и по поводу антисемитизма совершенно необходимо.

О моей семье. Жене Маше 27 лет, она врач, выросла в Карелии, в Петрозаводске. У нас с ней два мальчика: Жене — год и 9 месяцев, Мите — 8 месяцев. У них есть три брата от других моих браков. Пете, художнику, 22 года, Саше — 12 лет, Тоше — 11. Саша и Тоша живут в Англии, приезжают сюда каждый год, свободно говорят по-русски и по-английски (их мама англичанка). Все мальчики дружат между собой. Недавно я получил письмо от Саши, он пишет, что скучает по братьям. Я счастлив тем, что, несмотря на горечь разводов, я поддерживаю нормальные, даже хорошие взаимоотношения с бывшими женами — мы остались друзьями. Я считаю, что так и должно быть. Жизнь человека складывается по-разному, но я ненавижу, когда разводы превращаются в грязь. Почему трагедия должна заканчиваться грязью, особенно когда есть общие дети?

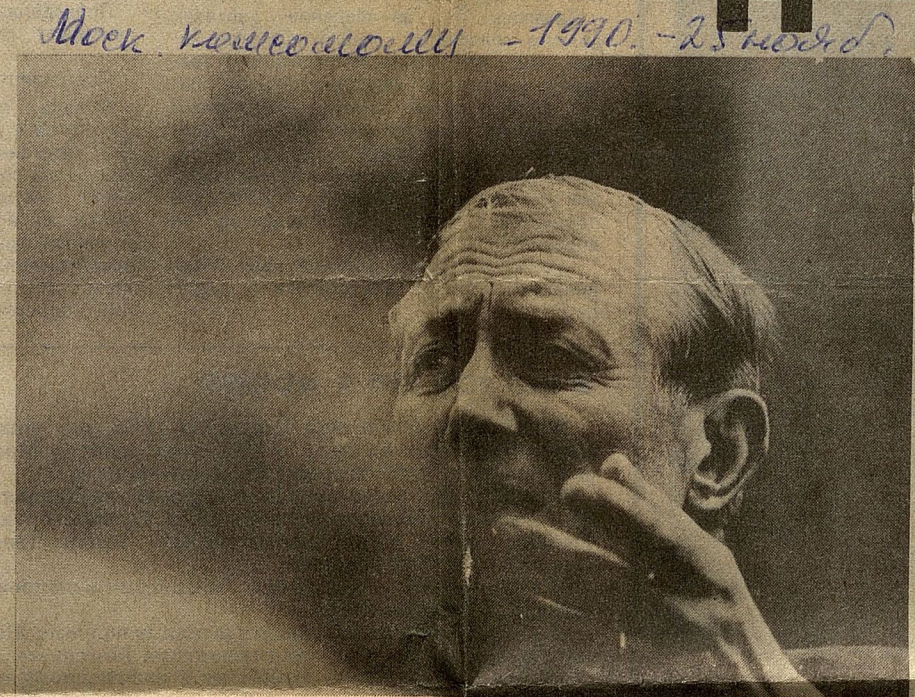
— **Евгений Александрович, я знаю: еще несколько лет назад вы занимались богом. А сейчас?**

— Каждое утро пробегаю немного — 3—4 километра, без этого не могу начать работу, чувствую себя разбитым. Играю в теннис — это замечательная игра, при случае катаюсь на коньках, хожу на лыжах, люблю футбол, иногда играю с детьми. Кстати, считаю самым великим футболистом не Пеле, а Всеволод Бобров. У него я многому научился...

— **Свое отношение к «Московскому комсомольцу» вы уже высказали. А подписались на него на будущий год?**

— Конечно!

Вел беседу Владимир НУЗОВ.

Поэт Евгений ЕВТУШЕНКО:
«Танки прошли по моей груди»

нина в этой роли я себе не представляю. Или — вы представляете себе Беллу Ахмадулину, обсуждающую в Кремле программу Шаталова — Явлинского? Ответственная работа отнимает уйму времени, но без нее я не был бы собой. Я не хочу оставаться народным депутатом на второй срок, потому что часто охватывает ужас от собственного бессилия. Я получаю по 100 писем в день, а помочь могу единицам. Больше всего просит о медицинской помощи, это идет первее жилья. У нас не делают многих операций, а для поездки за рубеж нужна валюта. А, бываю, у организации есть валюта, она хочет дать ее своему сотруднику для поездки и лечения, но ее не разрешают снять со счета в банке. Нет элементарных лекарств. Названа страшная прогнозная цифра по обеспечению нас лекарствами — в будущем году — 18 процентов! Можете прожить в плохой квартирке, питаться всухомятку, но когда нет лекарств — это страшно. Мне пишут со всего Союза — я ведь, хотя являюсь депутатом от Харькова, народный депутат СССР. Так вот, много пишут о неправых действиях судов. До сих пор еще у нас суд над человеком является расправой над ним. По моим депутатским запросам 12 человек уже освободили. Но как часто сидят на депутатском приеме и спускаешь глаза — не можешь помочь, нет возможности помочь! Да, все это отнимает время от писательского ремесла, от чтения книг. Но, с другой стороны, эта постоянная погруженность в чью-то беду и боли — важное состояние для писателя.

— **Евгений Александрович, но вот именно эта постоянная погруженность в чужую боль не вызывает ли адаптацию к ней?**

Не знаю, я в жизни видел много чужих горестей, смертей... Вот я прочел в интервью известного журналиста Незвонова (программа «600 секунд»), что он с той поры, как работал медбратом в больнице, привык к чужой смерти, совершенно спокойно ее воспринимает. Я был по-

Венедикта Ерофеева в «Моей маленькой ленинине» разве ее нет? Я никогда не идеализировал царя Николая II, но его казнь была мне отвратительна. Конечно, без ведома главы правительства это не могло произойти, хотя некоторые во всем обвиняют Троцкого и других. Но вернемся к Ерофееву. Когда я прочел его брошюру, а там одни цитаты, я начал их сверять. Конечно, эта подборка цитат тенденциозна, но ведь это же ленинские цитаты! Я сам себе не поверил, когда прочитал, как он упрекает Сталина в мягкотелости. Я не принадлежу к людям, ставящим знак равенства между Лениным и Сталиным, я не люблю исторического вандализма.

Но я пребывал в другой крайности: для меня Ленин был полным противоречием Сталину! И вдруг я увидел, что все гораздо сложнее. Со мной произошла эволюция по отношению к Ленину. И это ведь не предательство, а человеческое изменение, основанное на открывшихся фактах. И поэтому я правил многие свои политические стихи, основываясь на моей ответственности перед будущими их читателями. В одном из самых любимых мной стихотворений «Дух белых снегов» были такие строки: «Дух ее пастищенко, дух ее кедрача, ее Пушкина, Стеньку и ее Ильича». Это было напечатано, после чего один мудрый человек мне сказал: «Женя, Ленин совсем иная категория, чем Пушкин и Стенька Разин, ставший героем фольклора...». И я это еще не политически, а скорее интуитивно понял, почувствовал, и Ильича убрал. И